

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

ЕКАТЕРИНА II И КАРЛЬ ЗЮДЕРМАНЛАНДСКІЙ.

1792—1794 гг.

Письма Екатерины II къ герцогу Зюдерманландскому, регенту Швеціи ¹⁾.

30-го августа 1792 г.

Mon cousin! Откровенность, съ которою ваше королевское высочество выражаетесь со мною въ вашемъ письмѣ отъ 29-го августа (н. ст.) ²⁾, даетъ мнѣ право исправить то недоразумѣніе, въ которое повергли васъ слова, сказанныя вамъ по моему порученію моимъ посланникомъ и въ которыхъ вы усмотрѣли недовѣріе къ прочности союза, существующаго между обоими государствами. Точно также и я могла бы питать недовѣріе къ личнымъ чувствамъ вашего королевскаго высочества ко мнѣ, но я должна успокоиться въ виду вашего благорасположенія къ сохраненію въ силѣ союза столь естественнаго и полезнаго государству, правленіе котораго ввѣрено мудрости и попеченію вашего королевскаго высочества. Не поддаваясь чувствамъ неосновательныхъ сомнѣній и неумѣстной тревогѣ, я, тѣмъ не менѣе, могу ими увлечься тамъ, гдѣ дѣло коснется злонамѣ-

¹⁾ Переводъ со шведскаго изъ «Minnen», IV.

А. Ч.

Материалы эти могутъ быть присоединены къ группѣ другихъ извлеченныхъ, съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича—изъ дворцовой бібліотеки гор. Павловска объ отношеніяхъ Россіи къ Швеціи въ 1794—1796 гг. и напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», изд. 1874 г., томъ XI стр. 473—512.

Ред.

²⁾ Герцогъ писалъ, что онъ дорожитъ дружбою Россіи, но что эта дружба не даетъ повода обращаться со Швеціей какъ съ данницею Россіи и вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла.

А. Ч.

ренныхъ внушеній, которыя имѣютъ цѣлью нарушить существующія между нами взаимныя отношенія. То, что я сдѣлала въ пользу тѣхъ лицъ, которыя, содѣйствуя сохраненію добрыхъ отношеній, снискали право на мое довѣріе, достаточно свидѣтельствуешь о моемъ желаніи развить и поддержать эти отношенія. Къ этому присоединяется еще другое, болѣе убѣдительное доказательство—мое искреннее и дружеское участіе къ моему близкому родственнику, молодому королю, участіе, которое, въ эти превратныя времена, принуждаетъ меня желать, чтобы онъ былъ окруженъ вѣрными слугами блаженной памяти короля и родителя его. Но ваше королевское высочество, связанные съ этимъ государемъ болѣе тѣсными узами и, безъ сомнѣнія, питающіе къ нему тѣ же какъ и я чувства, заблагоразсудили удалить отъ его персоны означенныхъ лицъ, полагая, вѣроятно, что вамъ слѣдуетъ дать мѣсто опасеніямъ еще болѣе вѣскимъ, чѣмъ тѣ, которыя заставляютъ меня желать, чтобы они пребывали въ должностяхъ, вѣренныхъ имъ покойнымъ королемъ. Не вдаваясь въ изслѣдованіе этихъ опасеній, смыслъ которыхъ для меня совершенно непонятенъ и страненъ, я забочусь лишь о томъ, чтобы молодой король развивался подъ мудрымъ и бдительнымъ попечительствомъ вашего королевскаго высочества, забочусь видѣть Швецію—которой онъ единственная надежда и дорогой залогъ мира на всемъ сѣверѣ—благословляющею ваше королевское высочество за отеческія попеченія о его особѣ. Такія мои пожеланія къ благопоспѣшности молодого монарха нераздѣльны отъ тѣхъ, которыя я питаю къ вашимъ собственнымъ успѣхамъ, а также вашей доброй славы, должны в. к. в.—ву служить залогомъ искренней дружбы и совершеннаго высокопочитанія, съ которыми я пребываю, и проч., и проч. Екатерина.

С.-Петербургъ.—29-го января 1793 г.

Mon cousin! Письмо, въ которомъ вы выразили желаніе, чтобы былъ отозванъ мой шведскій посланникъ графъ Стакельбергъ, я получила. Близкія родственныя связи, которыя насъ соединяютъ, наше взаимное горячее желаніе укрѣпить союзъ и добрыя отношенія, по счастью существующія между государствами, наконецъ, тѣ дружба и довѣріе, которыя мы питаемъ лично другъ къ другу,—безъ сомнѣнія, все это побуждаетъ насъ и даетъ намъ право прямо и безъ околичностей сообщать другъ другу наши чувства и мысли, особенно когда дѣло идетъ объ упроченіи и продолженіи столь важнаго и дорогаго союза. Эти соображенія понудили ваше королевское высочество прибѣгнуть къ мѣрѣ, о которой я только что упомянула; но такъ

какъ одинаково и для меня существуютъ тѣ же побудительныя причины, то в. к. в—о дозволите также и мнѣ на нихъ сослаться. Мнѣ кажется, в. к. в—у достаточно извѣстны данныя мною графу Стакельбергу инструкціи; онѣ касаются тѣхъ самыхъ предметовъ, о которыхъ вы изволите говорить, а именно, чтобы никоимъ образомъ не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Швеціи, а заниматься только предметами, могущими содѣйствовать къ упроченію тѣхъ отношеній, которыя существуютъ между Россіей и Швеціей. До сего времени я имѣла достаточныя поводы полагать, что графъ Стакельбергъ вѣрно и строго исполнялъ данныя ему инструкціи. Первое совершенное имъ въ Стокгольмѣ дѣло было—заключеніе трактата, и эта заслуга принадлежитъ преимущественно ему одному, и, пока онъ имѣлъ дѣло съ лицами содѣйствовавшими, со стороны Швеціи, заключенію столь благотельнаго для обоихъ государствъ договора, дворъ, при которомъ онъ былъ аккредитованъ, расточалъ ему лишь благодарность и похвалы. Послѣ той перемѣны, которую вашему королевскому высочеству угодно было совершить въ министерствѣ вашего племянника, донесенія графа Стакельберга, обыкновенно просматриваемыя мною самою, содержали лишь простое изложеніе фактовъ, безъ всякой горечи и намѣренія нарушить положеніе дѣлъ, которое доселѣ существовало между обоими дворами. И такъ, не въ правѣ ли я предполагать, что единственно въ составѣ новаго кабинета, съ которымъ гр. Стакельбергъ былъ обязанъ сноситься, находится личность ¹⁾, которая, вслѣдствіе своего нерасположенія лично ко мнѣ или вообще къ Россіи, вознамѣрилась очернить и оклеветать его въ глазахъ вашего королевскаго высочества. Вотъ главная причина того неодобренія, которому онъ, по моему мнѣнію, подвергнулся со стороны вашего королевскаго высочества. Какъ бы то ни было, какъ скоро онъ лишился довѣрія в. к. в—а, я рѣшилась его отозвать, уже по тому одному, чтобы исполнить вашу настоятельную просьбу. Меня заставило колебаться сомнѣніе—вынужденнымъ отозваніемъ причинить безпокойство невинному человѣку; но такъ какъ графъ Стакельбергъ уже давно желалъ, для поправленія своего здоровья и своихъ домашнихъ обстоятельствъ, возвратиться къ моему двору, то мое сомнѣніе устранилось само собою. Чтобы не препятствовать скорѣйшему осуществленію его желанія, я дала ему разрѣшеніе въ формѣ отпуска. Назначеніемъ ему преемника и отправленіемъ его къ посту я не замедлю. Ляшу себя надеждой, что этотъ новый знакъ снисхожденія на желанія вашего высочества вы примете какъ новое доказа-

¹⁾ Намекъ на министра Рейтергольма.

тельство моего желанія увѣрить васъ при каждомъ представляющемся случаѣ въ искренней дружбѣ и уваженіи, съ которыми я, и проч., и проч. Екатерина.

Царское Село.—15-го мая 1793 г.

Monsieur mon cousin! Письмо, которое вашему королевскому высочеству угодно было мнѣ написать 26-го истекшаго февраля, я не могла принять отъ того лица, которому вы считали возможнымъ оное довѣрить, такъ какъ существуетъ запрещеніе, вслѣдствіе котораго никто изъ его націи или вѣры не можетъ быть допущенъ во внутрь Россіи, тѣмъ менѣе къ моему двору. Вслѣдствіе сего, это лицо было вынуждено оставить письмо рижскому губернатору и, уже по доставленіи мнѣ онаго, я разрѣшила пропустить его самого. Какъ только онъ прибылъ въ резиденцію, я успѣшила ознакомиться съ предметомъ его порученія. Такъ какъ допустить его въ мое присутствіе не дозволяло приличіе, что я избрала въ посредники лицо извѣстное своею осторожностью и пользующееся полнымъ моимъ довѣріемъ ¹⁾). Не мало была я удивлена, узнавъ, что упомянутая личность требовала со мною личнаго свиданія и отказалась сообщить о своемъ порученіи третьему лицу. Такъ какъ подобное желаніе не могло быть удовлетворено, то я приказала просить его сообщить письменно о предметѣ его порученія, причѣмъ дала ему слово возвратитъ сообщеніе, не снявъ съ него копии, и сохранить глубочайшую тайну о содержаніи онаго. Послѣ многихъ затрудненій, онъ, наконецъ, согласился на это. Но такъ какъ присланное имъ на нѣмецкомъ языкѣ посланіе, по своему изложенію, было крайне темно для меня, то я и осталась въ прежнемъ своемъ невѣдѣніи. Это посланіе было составлено въ такихъ двухсмысленныхъ и таинственныхъ выраженіяхъ, что я принуждена бы заподовѣрѣть въ его авторѣ либо умопомѣшательство, либо шарлатанство, столь обыкновенное среди его единовѣрцевъ, промышляющихъ кабалистикою и разною безсмыслицею. Такъ какъ во всемъ этомъ я ничего не поняла, то и позволила ему, по выраженному имъ желанію, уѣхать. Я жду отъ довѣрія, которымъ ваше королевское высочество удостоиваете меня, что вы, для доведенія до моего свѣдѣнія вашихъ намѣреній, впредь будете пользоваться прежними удобными путями, которые весьма вѣрны, не смотря на то, что они просты и обыкновенны ²⁾). Между тѣмъ, я не хотѣла отсрочить увѣрить ваше королевское высочество

¹⁾ Платонъ Александровичъ Зубовъ.

²⁾ Т. е. черезъ посланника Стединага, которому регентъ не довѣрялъ. А. Ч.

въ моемъ, соотвѣтствующемъ вашему, желаніи узрѣть еще болѣе тѣсными тѣ кровныя и дружественныя связи, которыя существуютъ между нашими домами. Полагаю, что мы можемъ достигнуть этой цѣли натуральнымъ путемъ, указываемымъ тѣмъ союзомъ, который, по счастью, существуетъ между нами. Я тѣмъ болѣе дорожу имъ, что, иначе, не буду имѣть удобнаго случая возобновлять вашему королевскому высочеству мои увѣренія въ искренней дружбѣ и совершенномъ высокопочитаніи, съ которыми я, и проч. Екатерина.

С.-Петербургъ.—17-го января 1794 г.

Mon cousin! Я получила письмо отъ 8-го с. м., которое вашему королевскому высочеству угодно было послать съ графомъ Стенбоккомъ. Приступаю къ отвѣту на оное съ откровенностью и чистосердечіемъ, требуемыми отъ меня вашимъ высочествомъ и которыя внушаютъ мнѣ чистота моихъ намѣреній, мой извѣстный характеръ и то высокое положеніе, ставящее меня выше всякаго сомнѣнія и подозрѣнія.

Безъ сомнѣнія, ваше королевское высочество помните чувства, выраженныя мною при вступленіи в. в.—а въ управленіе королевствомъ; они заключались въ искренней печали о достойной сожалѣнія кончинѣ блаженной памяти короля, въ нѣжной заботѣ о молодомъ наслѣдникѣ престола, обще съ искренними благопожеланіями успѣховъ какъ правленію вашего высочества, такъ и лично вашей персонѣ. Эти чувства руководили всѣми моими намѣреніями и хотя они не встрѣчали того сочувствія, которое я могла ожидать, но они не изгладились изъ моего сердца. Я могу сослаться, какъ на новое доказательство, на тотъ интересъ, смѣшанный съ безпокойствомъ, который возбудило во мнѣ извѣстіе объ открытіи заговора противъ особы и правительства вашего королевскаго высочества. Признаюсь, я не ожидала встрѣтить замѣшанною въ немъ одну личность ¹⁾, которая покойнымъ королемъ была удостоена неограниченнаго довѣрія, осыпана благодѣяніями и, стараясь съ такою ревностью о примиреніи моемъ съ тѣмъ государемъ и возобновленіи между нами дружественныхъ связей, приобрѣла полное право на мое благоволеніе. Если же этотъ человекъ дѣйствительно былъ увлеченъ честолюбіемъ или другими страстями и возымѣлъ какой либо преступный умыселъ, то, безъ сомнѣнія, онъ подпалъ всей строгости законовъ, которую ваше королевское высочество, при своей справедливости и правосудіи, дали ему почувствовать, не скрывая отъ публики ни единого

¹⁾ Баровъ Арифельдъ.

изъ его преступныхъ дѣйствій, къ чему обязывала в. к. в-о память о вашемъ братѣ, покойномъ королѣ, и то положеніе, до котораго послѣдній возвысилъ эту личность. Но прошу ваше королевское высочество позволить мнѣ заявить, что вы ошибаетесь, полагая, что недовѣріе между нашими кабинетами возникло вслѣдствіе тайныхъ происковъ и интригъ этого безпокойнаго и, можетъ стать, крамольнаго человѣка. Причины этого недовѣрія вытекаютъ изъ болѣе открытыхъ и опредѣленныхъ источниковъ, а именно: изъ поведенія константинопольскихъ агентовъ вашего королевскаго высочества и образа дѣйствій вашихъ министровъ относительно чудовища, воплощаемаго якобинцами, о которыхъ ваше высочество, въ письмѣ ко мнѣ, изволите выразиться съ отвращеніемъ и досадою, понятными въ царствующей особѣ и даже каждомъ честномъ человѣкѣ, который имѣетъ кое-какое понятіе о порядкѣ и для общаго блага желаетъ его сохранить. Мнѣ пріятно вѣрить, что эти чувства точно также, какъ они нашли мѣсто въ вашемъ письмѣ, найдутъ мѣсто и въ вашемъ сердцѣ; но позволяю себѣ сказать, что сего недостаточно, и что съ высокаго поста, занимаемаго вашимъ высочествомъ, необходимо эти самыя чувства проявлять во всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ и мѣропріятіяхъ. Оказываемыя вами снисходительность и осмотрительность были бы еще понятны, еслибы были основаны на соображеніяхъ о временныхъ коммерческихъ выгодахъ, и эти выгоды зависѣли отъ необузданнаго, грабительскаго и разрушительнаго духа, которымъ воодушевлена эта адская секта. Событія въ той странѣ ¹⁾ представляютъ очевидныя доказательства несовмѣстимости подобныхъ вещей. Всѣ, кто ревностно содѣйствовалъ успѣхамъ этой секты, дѣлались жертвами ея неблагодарности и бѣшенства, какъ-бы ради искупленія собственныхъ заблужденій и преступленій. Если Богъ попуститъ одержать этой сектѣ въ другихъ странахъ такія же побѣды, какъ въ самой Франціи, то отъ подобной ей судьбы, какія бы, во всемъ остальномъ, ни дѣлали уступки, нигдѣ не будешь въ безопасности.

Одинъ изъ агентовъ вашего королевскаго высочества въ Константинополѣ, о которомъ я только что говорила, безъ сомнѣнія, второстепенный, но тѣмъ не менѣе весьма дѣятельный, по единогласному свидѣтельству всѣхъ тамъ пребывающихъ иностранныхъ министровъ—самый усердный ходатай за якобинскіе интересы передъ Портою. Это послужило поводомъ къ подозрѣнію въ тайныхъ переговорахъ

¹⁾ Подразумѣвается революціонная Франція.

между стокгольмскимъ и константинопольскимъ дворами. Я просила черезъ моего посланника отречься отъ этой личности, или отозвать ее, по государственный канцлеръ, съ которымъ онъ по этому дѣлу сносился, не одобревъ поведенія этого агента, объявилъ, что онъ слишкомъ полезенъ, чтобы отрѣшить его отъ должности.

Впрочемъ, я нисколько не подозрѣваю намѣреній тѣхъ министровъ, такъ какъ, вѣроятно, они, какъ и мои министры, служили лишь орудіемъ воли вашего королевскаго высочества. Вотъ уже тридцать лѣтъ какъ я царствую и я никогда не переставала сама управлять; къ главнѣйшимъ качествамъ тѣхъ лицъ, которыя находятся на моей службѣ, я всегда относилась величайшую приверженность къ моимъ видамъ и совершенное подчиненіе моей волѣ. Я могу увѣрить ваше королевское высочество, что таково поведеніе лицъ, пользующихся, въ настоящее время, моимъ довѣріемъ ¹⁾). Графъ Зубовъ, съ моего вѣдѣнія и по моему приказанію, прошедшимъ лѣтомъ писалъ къ королевскому посланнику при моемъ дворѣ о причинахъ прекращенія субсидій, обѣщанныхъ договоромъ съ Швеціею ²⁾). Эти причины пока еще не устранены, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы я желала прекратить силу самаго договора. Я бы его никогда не заключала, еслибы онъ для меня представлялъ какія либо затрудненія. Ничто не вынуждало меня къ тому: я и блаженной памяти король заключили договоръ по доброй волѣ, руководствуясь какъ взаимными чувствами, такъ и убѣжденіемъ въ пользѣ, истекающей изъ него для обѣихъ державъ.—Вотъ основанія для сохраненія договора во всей его силѣ. Обѣщанія въ сепаратной статьѣ субсидій были лишь условнымъ дополненіемъ и касались извѣстныхъ общихъ плановъ, которые, какъ я упомянула, въ настоящее время, можетъ быть, не противорѣчатъ шведскимъ интересамъ, но мало соотвѣтствуютъ тому, что имѣлось въ виду съ нашей стороны. Дабы удостовѣриться въ этомъ, достаточно прочитавъ вашему королевскому высочеству мою переписку съ покойнымъ королемъ, равно тѣ деклараціи, которыми обмѣнялись между собою лица, имѣвшія полномочіе на заключеніе договора. И такъ, хотя одна изъ секретныхъ статей и потеряла на нѣкоторое время свое дѣйствіе, тѣмъ не менѣе, въ цѣлости, договоръ долженъ быть сохраненъ неприкосновеннымъ, на основаніи того самаго желанія, которое выразили ваше королев-

¹⁾ Очевидно, что всѣ эти упреки и намеки относятся къ самому регенту и его первому министру Рейтергольму, подозрѣваемому въ покровительствѣ якобинизму.

²⁾ Заключенъ 8-го (19-го) октября 1791 г., въ Дротнинггольмѣ, на восемь лѣтъ.

ское высочество—чтобы доселѣ счастливо существовавшія добрыя и сосѣдственныя отношенія между обоими государствами продолжались и впредь. Впрочемъ, вашему королевскому высочеству не безвѣстно, что прямое и торжественное заявленіе моихъ мыслей на счетъ того, что въ настоящее время нарушаетъ спокойствіе Европы, навлекло на меня злобу необузданныхъ нарушителей мира, и что, не будучи въ состояніи излить на мнѣ свой гнѣвъ, они всячески стараются злоумышленными ковами и обольщеніями возстановить противъ меня и, наконецъ, что я, для огражденія себя отъ ихъ заговоровъ, нахожусь вынужденною принимать наиболѣе дѣйствительныя мѣры, поглощающія всѣ мои денежныя ресурсы. При такомъ положеніи дѣлъ, мнѣ, однакожъ, не безвѣстно, что торговля выгоды, которыя приобрѣла Швеція подѣ покровительствомъ нейтралитета ¹⁾, къ которому приступили ваше королевское высочество, еще недавно дали вамъ возможность употребить довольно значительныя суммы на уплату долговъ и другія нужды. Я полагаю, что все сказанное вполнѣ убѣдитъ ваше королевское высочество, что мои дѣйствія во всѣхъ поименованныхъ обстоятельствахъ не были основаны на какой либо перемѣнѣ мыслей относительно особы в. к. в—а, но что они необходимо и неизбѣжно вытекали изъ самыхъ этихъ обстоятельствъ. Перехожу теперь къ предмету, который въ высшей степени занимаетъ меня и, по видимому, составляетъ также предметъ вниманія в. к. в—а.

Я не только не скрывала моего удовольствія, извѣстясь о планѣ будущаго союза между молодымъ королемъ, племянникомъ вашего королевскаго высочества, и великой княжной—моей внучкой, но выразила его еще тогда, когда это предложеніе впервые было сдѣлано вашимъ высочествомъ. Какъ съ политической точки, такъ и съ точки семейной связи, я всегда смотрѣла и теперь смотрю на этотъ союзъ какъ на самый желательный во всѣхъ отношеніяхъ. Но я неизмѣнно рѣшилась не допускать, чтобы одно изъ дѣтей, принадлежащихъ къ моему семейству, заключило подобный союзъ не по своему собственному избранію. Кромѣ того, внучкѣ моей еще не исполнилось одиннадцати лѣтъ и она еще не въ состояніи сама сдѣлать выборъ, или принять въ супруги того, кого ваше королевское высочество предлагаете ей, тѣмъ болѣе, что в. к. в—о, упоминая объ этомъ предметѣ, ничего не говорите о желаніяхъ самого молодого короля, о чемъ въ подобныхъ случаяхъ предварительно

¹⁾ Здѣсь разумѣется вооруженный нейтралитетъ—договоръ, заключенный въ 1780 г. между Россіей, Даніей, Швеціей и Пруссіей. А. Ч.

знать весьма важно. И такъ, кажется, слѣдуетъ нѣсколько по-временить заключеніемъ союза, клонящагося къ обоюдной пользѣ. Между тѣмъ, я, съ своей стороны, не премину приготовить и споспѣшествовать союзу, столь согласному съ моими желаніями, склонностію и чувствами.—Надѣюсь, что послѣ объясненія, даннаго мною касательно всѣхъ пунктовъ вашего письма, в. к. в—у болѣе ничего не остается желать отъ моей искренности. Мнѣ остается только увѣрить ваше королевское высочество, что ничто такъ не близко моему сердцу, какъ поддержаніе той дружбы и преданности, въ которыхъ вы изволите меня увѣрять, и желаніе представить вамъ доказательство, вполне соотвѣтствующее этимъ чувствамъ съ моей стороны. Съ такими чувствами, и проч. Екатерина.

Примѣчанія переводчика. Считаемъ не лишнимъ привести біографическія замѣтки о лицахъ, упоминаемыхъ въ письмахъ Екатерины II.

1. Герцогъ-регентъ Карлъ, герцогъ Зюдерманландскій, род. 1748, второй сынъ короля Адольфа Фридриха и Луизы Ульрики, сестры Фридриха Великаго. За малолѣтствомъ Густава IV былъ регентомъ Швеціи съ 1792 до 1796 г. Екатерина II подозрѣвала его въ сношеніяхъ съ якобинцами, но онъ былъ только ревностный масонъ и сведенборгистъ, и потому доступенъ разнаго рода проходкамъ. Нѣкоторые, какъ кажется, безъ основанія, подозрѣваютъ его въ участіи въ заговорѣ противъ жизни Густава III. Государственными дѣлами онъ мало занимался и во всемъ полагался на своего любимца барона Рейтергольма. Ненависть Карла къ барону Армфельду, фавориту Густава III, нѣкоторые объясняютъ отверженною любовью къ фрейлинѣ Руденшельдъ, которая предпочла ему красавца Армфельда. За переписку съ послѣднимъ, какъ государственнымъ преступникомъ, г-жа Руденшельдъ была засажена въ рабочій домъ. Когда, въ 1809 г., Густавъ Адольфъ IV былъ лишенъ престола, то герцогъ былъ вторично назначенъ регентомъ, а затѣмъ провозглашенъ королемъ; умеръ въ 1818 г.

2. Армфельдъ. Баронъ (позже русскій графъ) Густавъ Морицъ¹⁾ Армфельдъ, при Густавѣ III генераль-лейтенантъ. Лишенный при регентѣ всякаго вліянія и удаленный на постъ шведскаго посланника въ Неаполѣ, онъ сдѣлался врагомъ своего правительства, за что и былъ объявленъ государственнымъ преступникомъ и лишеннымъ покровительства законовъ. Его кто-то назвалъ *fameux intrigant, jongleur politique* (знаменитый интриганъ, политическій акробатъ). Въ самомъ дѣлѣ, почти половина его жизни была посвящена интригамъ, то политическимъ, то любовнымъ. Помня его услуги, при заключеніи мира въ Верелѣ 1790, и нерасположенная къ регенту, Екатерина, вопреки своему обѣщанію («Р. Архивъ» 1876 г., стр. 116), дала изгнаннику убѣжище. По прибытіи Армфельда въ Петербургъ, былъ онъ на третій же день отправленъ въ Тверь, а оттуда въ Калугу, гдѣ онъ прожилъ безвыѣздно и въ скучномъ уединеніи два года. Только въ 1796 г., по ходатайству генераль-губернатора графа Палена,

¹⁾ Не знаю, на какомъ основаніи пишутъ у насъ Маврикій. Шведы, равно какъ и нѣмцы, отличаютъ имена *Mauricius* (Маврикій) и *Mauritz, Moritz*, хотя они и происходятъ отъ одного корня.

вышло ему разрѣшеніе отлучаться изъ Калуги въ близъ лежащія мѣста. Ростопчинъ («Р. Архивъ» 1876 г., стр. 116) писалъ, что Армфельду покровительствуетъ Марковъ; но по шведскимъ источникамъ извѣстенъ слѣдующій отзывъ послѣдняго о первомъ: «эту горячую голову необходимо охладить; ее нужно уловить голодомъ». И въ самомъ дѣлѣ, Армфельдъ терпѣлъ нужду въ Россіи, онъ жаловался, что до него не доходитъ пенсія, назначенная ему императрицей. Выѣхавъ изъ Россіи, онъ сватался по Германіи до 1799 г., пока Густавъ IV, вступивъ на престолъ, не возвратилъ ему его прежнихъ званій. Но вскорѣ новыя интриги, по увѣренію нѣкоторыхъ—любовнаго свойства, заставили его навсегда покинуть Швецію и поселиться въ Россіи. За услуги, оказанныя правительству по управленію финляндскими дѣлами, онъ былъ возведенъ въ графское достоинство и назначенъ канцлеромъ Абоскаго университета. Умеръ въ 1814 г.

3. Графъ Стакельбергъ. Ростопчинъ («Р. Архивъ» 1876 г., стр. 100) объясняетъ нерасположеніе регента къ Стакельбергу происками г-жи Дивовой, «мѣтившей на стокгольмское посольство для своего мужа». Но несомнѣнно, что регенту были извѣстны тайныя сношенія Стакельберга съ государственнымъ преступникомъ Армфельдомъ. Стакельбергъ возвратился въ Петербургъ въ маѣ, находился при дворѣ, получая 6,000 р. (Тамъ же).

4. Баронъ Рейтергольмъ. Любимецъ и первый министръ герцога-регента. Былъ приверженцемъ союза съ Франціей, почему его, при русскомъ дворѣ, называли якобинцемъ. Для противодѣйствія интригамъ Армфельда и чтобы сохранить свой постъ, онъ ревностно старался осуществить планъ брака молодого короля съ великою княжною Александрой Павловной. Ему приписываютъ инициативу поѣздки короля въ Петербургъ съ этою цѣлью. Не смотря на его дѣятельное участіе въ переговорахъ по сему предмету, бракъ, какъ извѣстно, не состоялся, а Рейтергольмъ, вскорѣ по возвращеніи изъ Петербурга, былъ уволенъ, какъ говорятъ шведскіе историки, за то, что настаивалъ на необходимости союза съ Россіей.

5. Виталь, еврей, выдававшій себя за португальскаго барона. Онъ прибылъ въ Швецію по приглашенію регента съ какимъ-то финансовымъ проектомъ. Его отправили въ Петербургъ, снабдивъ паспортомъ и рекомендательнымъ письмомъ, подписаннымъ самимъ регентомъ. Виталю было предписано объясниться на счетъ своего порученія словесно съ самою императрицей, но его задержали въ Ригѣ и онъ былъ вынужденъ оттуда отправить данное ему письмо. Послѣ того былъ разрѣшенъ ему пріѣздъ въ столицу; но, не смотря на то, что онъ разыгрывалъ роль важной особы, государыня не удостоила его аудіенціи. На предложеніе сообщить цѣль своего посольства черезъ третье лицо, онъ не соглашался; тогда придумали такой способъ выйти изъ затрудненія—чтобы онъ изложилъ на письмѣ предметъ своихъ порученій, обѣщавъ ему сохранить содержаніе письма въ тайнѣ и возвратитъ оное, не снявъ копій. Поломавшись нѣсколько, Виталь согласился на это предложеніе; но письмо его было такъ туманно, что Екатерина принуждена была просить графа Стединга объяснить ей его содержаніе. Стедингъ немало былъ удивленъ, встрѣтивъ въ еврей своего сотоварища. Въ послѣдствіи, за разные финансовыя кунштйки, Виталь, по распоряженію Рейтергольма, былъ засаженъ въ тюрьму и высланъ изъ Швеціи. Тогда онъ началъ процессъ съ шведскимъ правительствомъ, утверждая, что Густавъ III и регентъ получили отъ него займообразно до 3-хъ милліоновъ гульденовъ.

6. Стедингъ. Баронъ, въ послѣдствіи графъ, Стедингъ, шведскій посланникъ при русскомъ дворѣ, род. 1746, умеръ 1837. Какъ приверженецъ правительства Густава III и покровитель Армфельда (помогалъ его женѣ въ Россіи), не пользовался довѣріемъ регента. Былъ просвѣщенный дипломатъ и пользовался уваженіемъ и любовью всѣхъ, кто его зналъ. Екатерина II писала Потемкину о немъ: «Стединга я ласкаю весьма и онъ человекъ изрядный»¹⁾. Его мемуары напечатаны, 1873, въ Парижѣ.

7. Графъ Стенбокъ. Оберъ-камеръ-юнкеръ шведскаго двора. Современные мемуары описываютъ его какъ молодого человѣка съ прекрасными манерами, образовавшагося въ школѣ Густава III. Графъ Стенбокъ былъ честный человекъ, но ему недоставало опытности и способностей, необходимыхъ для успѣха возложенныхъ на него порученій. Онъ прибылъ въ Петербургъ въ октябрѣ 1793 г., какъ будто для принесенія поздравленія регента по случаю бракосочетанія великаго князя Александра Павловича, но настоящая цѣль его миссіи состояла въ исходатайствованіи у русскаго двора обѣщанныхъ субсидій, и преимущественно въ началѣ переговоровъ о бракѣ Густава IV съ великою княжною Александрою Павловною. Екатерина II оказывала Стенбоку большое вниманіе, и однажды, пригласивъ его въ армітажномъ спектаклѣ занять мѣсто подлѣ себя, сама заговорила о брачномъ проектѣ.

Сообщ. А. А. Чумиковъ.

КЪ ИСТОРИИ ТЮРЕМЪ И ОСЫЛКИ ВЪ РОССИИ

1805—1820 гг.

II²⁾.

Monseigneur! La pitié, que tous les hommes ont naturellement pour les malheureux détenus dans les prisons, m'a inspiré le desir d'étudier l'esprit et l'administration des differents établissements de police correctionnelle. Pénétré des principes Beccaria, de Caleb Lownes et particulièrement de ceux de l'ami de l'humanité Howard, j'ai visité plusieurs prisons en Amerique et en Angleterre, et j'ai cherché d'en connaître les reglements relatifs à leur surveillance et à leur economie. Il me sera assurément difficile d'ajouter quelque chose de nouveau aux informations exactes et spéciales que Votre Excellence possède déjà sur cette matière, cependant comme la différence dans la manière d'envisager les mêmes objets donne souvent lieu à de nouvelles inductions, j'ai mis sur papier mes remarques à la suite de l'examen personnel des prisons

¹⁾ «Р. Архивъ» 1876, XII, стр. 641.

²⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 357—360.